

ОТРАЖЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕКСТАХ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Анализируется содержание некоторых текстов Ветхого Завета: начальные главы книги “Бытия”, книга “Исход”. В них оказались зафиксированными продукты рефлексии феноменов социальной, массовой, культурной коммуникации: иногда в виде отдельных замечаний и рассуждений, а иногда в виде вполне развернутых, детализированных, “системных” построений.

В системе современного обществоведческого знания особую актуальность имеют задачи изучения разнообразных коммуникативных процессов, в том числе таких их интегративных форм, как культурная коммуникация, социальная коммуникация, массовая коммуникация. Процессы коммуникации являются естественно-историческим средством сохранения социального и культурного опыта человечества, условием изменения и развития общества в целом и каждого отдельного параметра его существования.

Понятие “культурной коммуникации” отражает в себе в первую очередь процессы фиксации, сохранения и передачи информации в субстанциональных формах, которыми образуются продукты материальной и духовной культуры. Опосредованность выработки этих форм и процессов человеческой (социальной и индивидуальной) деятельностью при исследовании культурной коммуникации учитывается в последнюю очередь [2].

Понятие “социальной коммуникации” включает в себя рассмотрение всех типов и методов взаимодействий дифференцированных субъектов управленческой, педагогической, культурной деятельности, каковыми являются этносы, социумы, социальные группы, социальные институты и организации, а также индивидуумы. О.В. Терещенко подчеркивает, что для современной науки характерно выделение не менее пяти уровней исследования процессов коммуникации: интраперсональной, интерперсональной, групповой (включая институциональную, или организационную), массовую, а также процессы общения с техническими системами (и высокими технологиями) [6].

Понятие *массовой коммуникации* обозначает многообразие общеисторических и локальных форм, средств и методов духовного (идеологического, политического, педагогического) влияния на социум. (“Массовая коммуникация..., систематическое распространение сообщений... среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей данного общества и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей” [8]). Это понятие включает в себя представление о наличии активного коммуникатора,

определяющего содержание и направленность информационных воздействий, и относительно пассивного коллективного реципиента (массы). (Есть и другие значения этого понятия, которые в контексте данной статьи не рассматриваются).

На определенной ступени развития общества, где появляются признаки зрелости основ цивилизации и культуры, способы массово-коммуникативной деятельности приобретают характер *технологий массовой коммуникации*.

Понятие технологии вообще обозначает всю совокупность необходимых действий и процессов, которые должны быть произведены человеческим трудом для того, чтобы обеспечить выработку конечного продукта с определенными заданными параметрами [3].

Исходя из этого, понятие технологии массовой коммуникации означает целостную систему социальной деятельности, которая включает в себя упорядоченное множество операций и действий, обеспечивающих передачу информации от одной (управляющей и формирующей) общественной группы к другой. В результате этого процесса обеспечивается коллективное приобщение однотипных реципиентов (массы) к определенному способу существования – к форме социальной практики, способу существования, “образу жизни” или “стилю жизни”. Технологии массовой коммуникации своим конечным результатом имеют формирование в наиболее широких слоях населения конкретного типа личности, который является необходимым с точки зрения общества в целом, либо с точки зрения интересов отдельной социальной группы, доминирующей в данных исторических обстоятельствах.

Таким образом, технология массовой коммуникации в каждый отдельный исторический момент существования общества может быть направлена либо на локальные (управленческие) задачи, либо на более общие и глубокие с социально-исторической точки зрения цели – формирование масс.

Понимание сущности социальной или массовой коммуникации не следует отождествлять с представлением о сознательном и целенаправленном субъективном управленческом действии. Коммуникация может осуществляться в форме стихийных, неосознаваемых, либо организованных, осознанно направляемых процессов. “Стихийным” и неосознаваемым путем складываются целостные исторические технологии коммуникации (“производство человека” в первобытном, родоплеменном, рабовладельческом обществе). Их собственное формирование растянуто на длительные исторические эпохи. Но их “стихийный”, а точнее, “естественно-исторический” характер не делает их менее эффективными.

“Управляющее” воздействие в массовой коммуникации требует прежде всего дисциплины и подчинения в практическом поведении, его общей ориентированности на конкретные полезные или кому-то выгодные цели. “Формирующая” направленность технологии массовой коммуникации предполагает развитие у субъектов коммуникации (“реципиентов”) специфических форм мышления, мироощущения и мировосприятия, которые становятся глубинной, личностной мотивацией практической деятельности. В

этом случае поведением индивида также управляют, но косвенно, посредством внедрения в сознание и подсознание социокультурных регулятивов – специфически ориентированных алгоритмов когнитивной, оценочной, практической деятельности. В исследованиях последних десятилетий для обозначения одной из специфических форм коммуникативного воздействия или даже типа коммуникативной технологии используется понятие “манипуляция”. В манипулятивных воздействиях преобладают управленческие цели, где актуализирован корыстный интерес коммуникатора, вследствие чего он стремится скрыть от “реципиента” свое воздействие. “Реципиент” в этом случае рассматривается не как субъект, личность, а как объект, вещь. Манипуляция всегда является средством достижения власти [4, 26].

Большой интерес представляет изучение древних, архаических, а также цивилизационных, формационных типов массовой коммуникации, выявление их особенностей и общеисторических черт. Описания процессов массовой коммуникации можно найти в мифах, историко-летописных, бытовых и религиозных текстах. Немало их и в текстах Библии.

Материалом для данной статьи стали некоторые тексты Ветхого Завета: некоторые начальные главы книги “Бытия”, книга “Исход”. Мы относимся к ним как к произведениям, в которых исторические элементы сочетаются с литературно-художественными. Их авторы были мотивированы как социальной потребностью в идейном оформлении развивающейся национальной религии, государственности, морали и права, так и стремлением зафиксировать, насколько возможно, реальные события из истории древних иудеев и израильтян. Индивидуально-психологические, мировоззренческие, художественно-эстетические мотивировки писательской деятельности авторов Ветхого Завета также прослеживаются в каждом из текстов. Именно вследствие присутствия в этих текстах личностного, интеллектуального, аналитического компонента в отдельных из них оказались зафиксированными продукты рефлексии феноменов социальной, массовой, культурной коммуникации: иногда в виде отдельных замечаний и рассуждений, а иногда в виде вполне развернутых, детализированных, “системных” построений.

Из описания процесса сотворения мира в первых главах книги “Бытие” следует, что коммуникация (в форме общения Бога с первыми людьми) имеет свое начало в шестой день творения: “И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными...” (Быт. 1: 27-28).

Бог также является инициатором возникновения процессов коммуникации между человеком и животными, причем функция создания вербального языка передана человеку: “Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым” (Быт. 2: 19-20) [1, 6].

Но этим библейское осмысление тайн коммуникативных процессов не исчерпывается. В текстах Бытия содержится образ весьма загадочного по

своим характеристикам существа. Это “змей” из главы 3 книги “Бытие”. Он разумен, поскольку владеет человеческим языком, коммуникабелен, поскольку без проблем создает интеллектуальный контакт с Евой, обладает мощными суггестивными качествами, поскольку добивается настолько сильного психологического влияния на Еву, что она решается пренебречь божественными запретами. Очевидно, он является тонким психологом, поскольку в своей деятельности использует все особенности женской психологии – любопытство, доверчивость, слабость логики и отсутствие дальновидности, а также и остроумен: “Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог” (Быт. 3: 1).

“И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?” (Быт. 3: 1) – За этим вопросом, как показывают дальнейшие события, стоит не просто любопытство и коварство, но скрывается более чем далеко идущий социальный проект: “Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло” (Быт. 3: 5). Таким образом, оказывается, что сам змей уже обладает “знанием добра и зла”. Он явно находится с Богом в конфликтных отношениях, по-видимому, на почве расхождения во взглядах на пути дальнейшего саморазвития уже существующего населенного мира. Для того, чтобы реализовать свои намерения и таким образом изменить весь ход будущего развития населенного людьми мира, он и стремится замаскированный конфликт преобразовать в открытый.

В более поздних текстах Ветхого и Нового завета образ змея становится символом безбожия. В Откровении Иоанна образ Змея получает свою окончательную трактовку в качестве образа дьявола, которому приписывается преследование сугубо личных целей – борьбы за власть – в противостоянии с Богом: “И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним” (Откр. 12: 9).

Дж.Дж. Фрезер доказывал, что в библейском образе Змея слились две более древних легенды, широко распространенные у многих азиатских и африканских народов: “легенда о ложной вести” и “легенда о сбрасываемой коже”. В легенде народности намакуа (готтентотов) в роли обманщика-манипулятора выступает заяц, у племени нади в Восточной Африке – собака, у племени тати, проживающих в Южной Африке – черепаха, у негров Золотого Берега – дуэт, составленный овцой и козой. У бушменов имеется легенда, где в зайца превращается человек-скептик, не поверивший в благую весть о вечной жизни. Вторая легенда связана с верованием в то, что некоторые животные, периодически сбрасывающие кожу, никогда не умирают. Так, в бессмертие змей верят племена вафипа и вабенде в Восточной Африке, дусуны в северной части Борнео. Аравики в Британской Гвиане таким свойством наделяют змей, ящериц и жуков [7, 36-42].

Во всяком случае, из текста книги “Бытия” следует, что именно Змей, кем бы он ни был на самом деле, и явился первым в истории человеческого общества политическим технологом и манипулятором. Благодаря его целенаправленным усилиям возникает вторая линия массовой коммуникации:

“Змей (активный коммуникатор) – человеческая популяция (реципиенты)”. Причем это змей как коммуникатор оказывается намного сильнее Бога: “И увидел Господь [Бог], что велико развращение человек на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем” (Быт. 6: 5).

Особенности общения Бога и второго поколения людей (Каина и Авеля) становится причиной первого межличностного конфликта и первого уголовного преступления. “И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его” (Быт. 4: 4, 5). Таким образом, отношения с господом Богом рассматриваются Каином как способ социального возвышения в первичном этносе. “И... восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его” (Быт. 4: 8).

Осознанием поражения в соперничестве за сердца людей мотивированы два важнейших социальных проекта Господа Бога, имевшие общечеловеческое и планетарное значение. Первое из них состоит в сокращении продолжительности человеческой жизни: “не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет” (Быт. 6: 3). Второе – гораздо более жестокое: “И сказал Господь: истреблю с лица земли человек, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их” (Быт. 6: 7)”. Таким образом, авторами данных текстов все взаимоотношения Господа Бога и человечества представлены как коммуникативно-управленческие по своему содержанию, опирающиеся на весьма грозные “рычаги”.

Интересно, что при изложении истории расселения семитских племен в двух следующих друг за другом главах “Бытия” формулируются две совершенно разных версии исторического становления межэтнических форм социальной коммуникации. В главе 10 описывается процесс естественного увеличения популяции семитов, возникновение и географическое расселение семейных кланов – “племен”, а потом и “народов”. При этом подчеркнута реальное наличие быстро нарастающей культурной дифференциации не только потомков Ноя, но и “сыновей Симовых” “по племенам их, по языкам их, в землях их, по народам их. Вот племена сынов Ноевых, по родословию их, в народах их. От них распространились народы на земле после потопа” (Быт. 10: 31, 32).

В главе 11 изложен миф о возникновении полиэтничности и многоязычия вследствие разрушения Богом Вавилонской башни. Данный текст интересен с той точки зрения, что его древний автор осмыслил возможность “создания” нового механизма социальной коммуникации в качестве эффективного средства переориентации исторического развития целых социальных общностей. Фабула состоит в том, что народ “всей земли”, у которого “был *один язык* и одно наречие” (Быт. 11: 1), оказался настолько сильным и сплоченным, что достиг весьма высокой ступени развития этнического самосознания. Фактически зафиксировано возникновение “национальной идеи”: “И сказали друг другу: наделаем кирпичей... И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли” (Быт. 11: 3, 4).

Как показывает Дж.Дж. Фрезер, легенда о Вавилонской башне благодаря деятельности христианских миссионеров в эпоху великих географических открытий широко распространилась у разных народов мира. В то же время

Дж.Дж. Фрезером приводится большое количество древнейших мифов, которые, с его точки зрения, могут быть признанными вполне самостоятельными попытками человеческого ума решить сложнейшую проблему многоязычия. В одном из греческих мифов описано введение различных наречий Гермесом, что привело к появлению первых раздоров среди смертных, что утомило Зевса и побудило его передать свое владычество в руки аргосского героя Фороней, первого царя на Земле. Племя ва-сена в Восточной Африке рассказывает, что некогда все народы знали только один язык, но однажды, во время большого голода, сошли с ума и разбрелись в разные стороны, бормоча бессвязные слова, вследствие чего и возникли разные наречия, и др. [7; 179-182].

Не приходится спорить о том, могли ли реально в среде семитских племенных вождей существовать идеологи с таким проективным уровнем социально-политического мышления. *Один идеолог*, пусть даже не практик, а лишь теоретик, во всяком случае существовал совершенно реально – это неизвестный нам автор, который увековечил себя в данном тексте Библии.

Ни кто иной, как Господь (Яхве) представлен здесь как политический манипулятор, который *боится*, что сплоченный и идейно воодушевленный народ выйдет из повиновения: “И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого” (Быт. 11: 6, 7). Помимо весьма малого почтения к Господу, автор текста демонстрирует нам свое личное понимание того, что способы и механизмы социальной коммуникации играют основополагающую роль в политическом развитии общества, ослабляя его либо, наоборот, делая более сильным и целеустремленным.

По всей видимости, главы 10 и 11 книги “Бытие” написаны двумя разными авторами, и лишь впоследствии, при компоновке полного текста библейских повествований, были помещены рядом.

Чрезвычайно интересной с точки зрения знакомства с древнейшими формами рефлексии механизмов социальной и массовой коммуникации является книга “Исход”. Ее объем, внутренняя связность, присутствие исторического материала, мифологических, мистических, психотерапевтических сюжетов делает ее весьма значительным литературным произведением. Присутствие в ее фабуле в качестве одного из главных героев существа, которое выступает то под именем Ангела Господня, то прямо Господа, обуславливает всю занимательность сюжета. Книга “Исход” оказывается стоящей в ряду первых литературных произведений, с которых начинается существование неумирающего жанра “фэнтези”.

Следует знать и историческую подоплеку тех событий, которые непосредственно описываются в книге “Исход”. Авраам – (потомок Адама в 20-м колене и Ноя в 11-м), согласно библейской истории, стал родоначальником евреев, составляющих одну из вервей семитов. На каком-то этапе своей истории (в XI-X вв. до н.э.) евреи разделяются на “колена”

(потомков) Иуды и Израиля. Эти большие племенные союзы (“царства”) размещались на территории Палестины.

После длительного ряда исторических событий двенадцать “колен Израилевых”, которым покровительствует Господь Бог, оказываются в египетском рабстве. Несмотря на свое притесненное положение, “сыны Израилевы расплодился и размножились, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та”. [Исх. 1: 7].

Несомненно, что материальное благополучие израильтян ущемляло интересы какой-то части олигархических верхов египетского общества. Очередной фараон, недавно пришедший к власти, “сказал народу своему: вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас” [Исх. 1: 9]. Принимается решение об изменении социальной политики по отношению к израильтянам: “перехитрим же его, чтобы он не размножался; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли [нашей]. И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами” [Исх. 1: 10, 11]. Таким образом, физическое принуждение к труду оказывается рычагом психологического и политического управления. Однако израильтяне оказались стойким, упорно сохраняющим свою национальную и религиозную идентичность, народом. Их сопротивление приводит к чудовищному ужесточению национальной политики фараона: издается указ об умерщвлении всех мальчиков, рождающихся в еврейских семьях (Исх. 1: 15, 16). Этот исторический момент избран Богом Яхве для того, чтобы начать строительство нового независимого государства. “И увидел Бог сынов Израилевых, и призрел их Бог” (Исх. 1: 25), – говорится в тексте. Создается впечатление, что за именем Яхве скрывается некий политический деятель, заинтересованный в том, чтобы нанести весьма ощутимый удар по политической власти египетских фараонов. Сам по себе “исход” израильтян не мог разрушить египетское государство, но его социально-политический авторитет в случае успеха данной кампании неизбежно был бы сильно и надолго расшатан. Нужно отметить, что оценка уровня “готовности” объективных и субъективных предпосылок для весьма серьезного социально-политического переворота, решение опереться на израильтян в качестве наиболее подходящей для этого социальной силы обоснованы весьма профессионально. (Мы не обсуждаем сейчас весьма спорный исторический вопрос о том, имел ли место “исход” евреев из Египта на самом деле. Нас интересует только текст, как рефлексия уровня мышления его автора, являющегося “зеркалом” своей эпохи).

Яхве понимает, что он будет в состоянии руководить революционной деятельностью израильтян лишь в том случае, если сможет опереться на лидера, вышедшего непосредственно из “глубин” народа. Фигура Моисея интересна с той точки зрения, что Яхве точно определены его основные психологические качества: он предан своему народу и способен в некоторых случаях на всякие отчаянные действия. (Убийство египетского надсмотрщика, зафиксированное в его биографии, следует в этом контексте рассматривать не как случайное уголовное преступление, а как аффективное выражение чувства протеста против национального притеснения).

Но этих качеств недостаточно для того, чтобы Моисей был признан и принят всем народом в качестве лидера. Да и сам он, как человек эмоциональный и импульсивный, отнюдь не готов к серьезной политической и идеологической работе “в массах”. Очень интересно описание того, как Яхве формирует из Моисея народного лидера (Исх. 3: 1-21; 4: 1-17). Специальные средства воздействия на психику описываются буквально в каждом стихе Исхода: “И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста...” (Исх. 3:2). Все появления Яхве перед простодушным Моисеем (“перформанс” – в соответствии с современной терминологией), явно очень хорошо рассчитаны по своим физическим эффектам. Продуманно использована эмоциональная сфера необразованного и застенчивого Моисея, его повышенная внушаемость. Весьма успешно использован механизм этнического почитания предков: “И сказал [ему]: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова” (Исх. 3: 6). Хорошо просчитана возможность опоры на актуальные общенациональные потребности: “И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед” (Исх. 3: 7, 8). Мы видим здесь формулировку нового социально-утопического проекта, весьма привлекательного для израильтян.

Возможно, Моисей испытывал скрытое желание выдвинуться на поприще социально значимой деятельности, но еще более он демонстрирует неуверенность в себе, что и побуждает Яхве выступить в функции психотерапевта: он заставляет Моисея осознать себя Избранником Божиим. “Пойди собери старейшин [сынов] Израилевых и скажи им: Господь, Бог отцов ваших, явился мне...” (Исх. 3: 16). В последующем, когда Моисей вновь и вновь проявляет свою психологическую слабость и неготовность к выполнению возлагаемой на него роли, Яхве использует совершенно иные приемы внушения. По-видимому, он за время общения с Моисеем смог понять, что сама по себе пропаганда идеи национального освобождения не способна превратить его в активного политического деятеля. Психика малообразованного израильтянина оказалась более восприимчивой к эффектам “чудес”, творимых Яхве и вызывающих удивление и страх. Далее приходится решить проблему отсутствия у Моисея ораторских способностей: “И сказал Моисей Господу: о, Господи! человек я не речистый, и *таков был* и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен” (Исх. 4: 10). Очевидно, что при весьма высоком уровне внушаемости он пригоден только для того, чтобы быть медиумом – реципиентом, воспринимающим информацию, исходящую от Бога и недоступную другим людям. Однако для публичного изложения идей, концепций, достаточно сложных социальных проектов необходимы развитые коммуникативные навыки.

Психотерапевтические функции доступны Яхве в полном объеме, и он готов оказать помощь Моисею: “Господь сказал [Моисею]: кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь [Бог]? итак пойди, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить” (Исх. 4: 11, 12), но в данном случае неуверенность Моисея в себе оказывается более сильной.

По-видимому, экстрасенсорная одаренность Моисея делает его незаменимой фигурой в намечаемой программе политических реформ, поэтому Яхве вынужден внести коррективы в изначальную программу распределения лидерских функций. Вместо одного лидера проектируемого политдвижения он вынужден формировать дуальное объединение из медиума и спикера, в надежде, что хотя бы эта пара уже немолодых (“Моисей *был* восьмидесяти, а Аарон [брат его] восьмидесяти трех лет, когда стали говорить они к фараону” (Исх. 7: 7)), не слишком обученных грамоте, мужчин окажется пригодным для выполнения существующих задач: “И возгорелся гнев Господень на Моисея, и Он сказал: разве нет у тебя Аарона брата, Левитянина? Я знаю, что он может говорить [вместо тебя], и вот, он выйдет навстречу тебе, и, увидев тебя, возрадуется в сердце своем; ты будешь ему говорить и влагать слова [Мои] в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его и буду учить вас, что вам делать; и будет говорить он вместо тебя к народу; итак он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога; и жезл сей [который был обращен в змея] возьми в руку твою: им ты будешь творить знамения” (Исх. 4: 14-17).

В следующих стихах текста Исхода описываются явно манипулятивные по своему содержанию процедуры, которые Яхве планирует проделать с фараоном: “И сказал Господь Моисею: когда пойдешь и возвратишься в Египет, смотри, все чудеса, которые Я поручил тебе, сделай пред лицом фараона, а Я ожесточу сердце его, и он не отпустит народа” (Исх. 4: 21).

Далее программируется применение методов весьма жестокого психологического и физического террора: “скажи фараону: так говорит Господь [Бог Еврейский]: Израиль *есть* сын Мой, первенец Мой; Я говорю тебе: отпусти сына Моего, чтобы он совершил Мне служение; а если не отпустишь его, то вот, Я убью сына твоего, первенца твоего” (Исх. 4: 22-23).

Само по себе утверждение о богоизбранности израильтян не может иметь никакого влияния на поведение фараона, потому что “кто такой Господь, чтоб я послушался голоса Его и отпустил [сынов] Израиля? я не знаю Господа и Израиля не отпущу” (Исх. 5: 2). Здесь с особой отчетливостью проявляется “технологический”, жестко рассчитанный характер всех осуществляемых коммуникативных воздействий. Цикл “чудес” оказывается наиболее эффективным и в этом случае: превращение жезла в змея, речной воды – в кровь, нашествие жаб, саранчи, змей и т.п. средства вызывают в конечном счете сильнейший страх и подтверждают реальность угрозы уничтожения сразу всего египетского народа, которым он управляет, оказывается способным “сломить” его сопротивление.

Конечно, рассказ о поверившем во всемогущество Яхве и раскаявшемся (точнее, испуганном) фараоне – не более, чем исторический миф. Сказочно-фантастичен и весь рассказ о сорокалетних странствиях израильтян по пустыне. Интерес представляет именно его наполненность описаниями целеустремленной деятельности Яхве, направленной на удержание этого “упрямыйного” народа под своим управлением. Именно благодаря этой деятельности (ежедневная идеологическая пропаганда, регулярное психологическое запугивание и весьма жестокие физические карательные санкции) достигается реализация намеченного плана. Сорокалетняя история исхода – история не только освобождения из египетского плена, но и

практического использования высокосовершенной технологии массовой коммуникации.

Благодаря ее целенаправленному использованию (включающему в себя применение многообразных форм – от социально-педагогического воздействия и политической пропаганды до изоощренных психологических манипуляций), осуществлен вполне целостный, системный политический проект. Израильский народ, хотя и составляющий внутри египетского царства “этническое меньшинство”, оказался “подвигнут” на решительную реализацию целого цикла взаимосвязанных и целенаправленных социально-политических действий.

Литература

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1976.
2. Быховская И.М., Флиер А.Я. Коммуникация социокультурная // Культурология. XX век. Энциклопедия / Сост. С.Я. Левит. – Т. 1. – СПб.: Университетская книга; ООО “Алетейя”, 1998. – С. 153-155.
3. Владимиров О.А., Пархоменко А.А. Технология // Большая советская энциклопедия. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00046/03900.htm?text>.
4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
5. Кривелев И.А. Основные этапы развития исторической критики Ветхого Завета // Происхождение Библии (Из истории библейской критики). Ветхий Завет. – М.: Наука, 1964.
6. Терещенко О.В. Коммуникация социальная. – Энциклопедия социологии. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0493.htm>.
7. Фрезер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом завете. – М.: Политиздат, 1989.
8. Шерковин Ю.А. Массовая коммуникация // Большая советская энциклопедия. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00046/03900.htm?text>.

Summary

A. Scherbina. A reflection of technology of mass communication is in the texts of Old Testament.

It was analysed the maintenance of some texts of Old Testament: initial chapters of books of “Life” and “Escape”. The products of reflection of the phenomena of social, mass, cultural communication was fixed in them: sometimes as separate remarks and reasonings, and sometimes as the fully unfolded, gone into a detail, “systematical” constructions.

Рукопис надіслано до редакції 17.12.2007.

Щербина, А. М. Отражение технологии массовой коммуникации в текстах Ветхого Завета [Текст] / А. М. Щербина // Сучасна картина світу: Природа, суспільство, людина : зб. наук. праць / Державний вищий навчальний заклад "Українська академія банківської справи Національного банку України". - Суми, 2008. - С. 93-104.